

Городская окраина —
Тихих улочек вид.
Красных листьев окалина,
Остывая, шипит
На сырых тротуарчиках,
Потемнела — и жаль,
Небо как-то по-старчески
Навевает печаль.
За калиткой отчаянно
Воет псина со зла...
Городская окраина
Сельским центром была.
Со своею мистерией,
Крепким бытом своим...
Мы сегодня потерянно
У церквушки стоим.
Что грехи-то замаливать?
Да и кто их простит?
Листьев красных окалина
Под ногами хрустит.

Ходила улица по городу
Туда-сюда, едва ль не голая,
По февралю — туда-сюда,
Почти не ведая стыда.
Ходила улица по городу,
Как девка сытая по голоду,
Ходила нежная и злобная,
Автомобильно-пешеходная,
Ходила вся принципиальная,
Достаточно провинциальная.
Ходила улица по городу,
Водила стариков за бороды.
И мы мотались вместе с ней —
Весёлой улицей своей:
На заседания, свидания,
На торжества, как на закланье,
В прострации на операции,
В пикеты и на демонстрации.
Ходила по большому городу
Средь бела дня,
Почти что голая...
Туда-сюда,
Туда-сюда,
Совсем не ведая стыда.

Сентябрь тихо дождь уронит
На спящий городской квартал,
Из аромата благовоний
Создаст один большой кристалл,
Где в каждой плоскости и грани
Тоска по прошлым временам,
Которая не то чтоб ранит —
Напоминает что-то нам.
Тревожит, будит и ласкает,
Отплёвываясь, проклиная.

*А дождь идёт,
А дождь идёт..
И никого никто не ждёт.
«А за дождём придёт зима,
Печальна и светла.
Тогда посмотрим, чья взяла
И для чего взяла...» —
Так написала Нина Грехова,
Поклонница Антона Чехова.*

*Любви последняя усталость,
Последний оклик или вскрик,
Зигзага венчурная шалость
Или беспечность напрямик.
Любви последней позолота,
Что облетела шелухой
Со стен загаженного сквота,
Скользящей по ветру листвой.
Любви последней снисхожденье —
Как головная наша боль,
Судьбы презимнее смиренье,
Поры ноябрьской юдоль.
Любовь могла и не случиться
От постоянства перемен,
Могла оскалиться волчицей
От многочисленных измен.
Любви сжимаются объятья,
Где места ненависти нет,
Но где от клятвы до проклятья
Едва ли различим просвет.*

*Наша Сибирь, как больная подложка,
Среди литосферных качается плит,
Воздух в отсеках палёней, чем водка,
Сходят глаза от удушья с орбит.*

Чуть ли не в центре России мы тонем:
Слева Урал, справа Владивосток.
Так до конца не разгадан феномен —
Вечномерзлотной природы кусок.
Наша Сибирь — как подводная лодка,
Мы здесь — матросы таёжных глубин.
Криком исходят лужёные глотки,
Глушит все звуки коростою льдин.
Глух Леговитый на Севере кислом,
Тихий вморозил в моря острова.
Время московское давит на числа,
Путает мысли, дела и слова.
Все мы здесь «К-19» и «Курски»,
SOS наших гуш бесполезен и тих,
Все мы воителей славных ошурки
И штукатурка величия их.

Тень одиночества
Печальна и черна —
«Квадрат» Малевича,
Стекающий по стенке.
Тень одиночества
И целая страна
С тобой одним по имени
И отчеству,
Но ты — ничто.
Любовь — это когда идёшь босиком
По звёздам,
По углям,
По битому стеклу,
Но все они под твоими ступнями —
Как тёплая и гладкая
Морская галька.